

Е.В.Ермилова. Поэзия Иннокентия Анненского

Иннокентий Анненский, М., Советская Россия, 1987

ОСР Бычков М.Н.

Иннокентий Анненский – человек необычной поэтической судьбы. Первый и единственный прижизненный сборник своих стихотворений – "Тихие песни" – он публикует под псевдонимом – Ник. Т-о, который Александр Блок в своей сдержанной рецензии на сборник назвал "сомнительным", "наивным". К моменту выхода сборника – 1904 год – Анненский был уже не просто немолодым человеком с устоявшимся мирозерцанием, – к этому времени он достиг вершины, апогея своей служебной и научной деятельности. Он – видный сановник, директор Николаевской гимназии в Царском Селе, постоянной резиденции царя, что, естественно, делало службу Анненского особенно сложной и ответственной. Он – известный педагог, автор нескольких статей на педагогические темы в специальных журналах. Он – замечательный ученый-филолог, который главным делом своей жизни считает перевод трагедий Еврипида (с комментариями и статьями), создатель и оригинальных трагедий на еврипидовские сюжеты. Словом, к 1904 году – это человек вполне устоявшейся и даже предпрешенной судьбы, – жить ему оставалось всего пять лет.

"Тихие песни" славы автору не принесли. В них угадывалась истинная и глубокая скорбь, которая, однако, отливалась в манерную изысканность декадентских переживаний. Мы порой высказываем сожаление о том, что Анненский не сразу был узан и принят: две рецензии – Блока и Брюсова, поэтов, заметивших "юную музу", написаны в снисходительном тоне. Тем не менее нужно скорее удивляться прозорливости Блока, угадавшего живое лицо поэта под декадентской маской: "душа как бы прячет себя от себя самой, переживает свои чистые ощущения в угаре декадентских форм"; угадавшего подлинность боли под банальностью декадентского отчаянья: "Нет ли в этой скромной затерянности чересчур болезненного надрыва?" (Рецензия написана в 1906 году, когда для самого Блока очень остро стоял вопрос о декадентском "угаре".)

Противоречивость и некоторая загадочность образа Анненского, замеченная Блоком, отнюдь не снята и позднейшими размышлениями о его творчестве. Эту свою будущую форму существования в сознании читателей Анненский предугадывал сам:

Пусть травы сменяются над капищем волненья
И восковой в гробу забудется рука,
Мне кажется, меж вас одно недоуменье
Все будет жить мое, одна моя Тоска.

Это не значит, что тайна непременно подлежит разгадыванию и что противоречия вообще могут быть сняты: они входят в само понятие о б_р_а_з_а Анненского, каким он предстает каждому новому поколению читателей.

Вопрос об образе поэта-лирика и его отношениях с реальностью биографии и реальностью творчества непрост. Он ясен и бесспорен, когда имеешь дело со стихами как с завершенным результатом творчества. Но иногда возникает ощущение, что есть еще и о_б_р_а_з_а_в_т_о_р_а, живущий как бы помимо своих творений. Этот образ может восходить до образа всенародного – таков для русской поэзии Пушкин. Но есть поэзия, существующая на самой грани жизни и искусства, как бы недоовоплощенная, не остывшая в "вещах", – таков ранний символизм "соловьевцев", включая даже и "Прекрасную Даму" Блока. А уж "образ Белого" неизмеримо ярче и живей воспринимался, – и современниками и последующими поколениями, – чем "стихи Белого".

Особый случай представляет собой поэзия Анненского.

В его стихах глубокая искренность, интимность переживаний, даже таких сложных, как растерянность перед жизнью и перед ее мгновениями, трагизм безверия, страх смерти, – находят и безупречно адекватную форму. Никакой наспех брошенной, неотделанной поэтической мысли, никакого неряшества и "распущенства" (так сам он называл небрежность в одежде).

Вот начало стихотворения о ночных кошмарах – о сне, подобном смерти (тема сна и бессонницы – частая тема Анненского):

Сила господняя с нами,
Снами измучен я, снами...